

САКРАЛЬНЫЕ И ПРОФАННЫЕ АСПЕКТЫ МЕДИЦИНЫ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ВО II ВЕКЕ Н.Э. (ПО «СВЯЩЕННЫМ РЕЧАМ» ЭЛИЯ АРИСТИДА)

Тарасова Любовь Валерьевна

Кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО Калужский государственный
университет им. К.Э. Циолковского»
tarlv@mail.ru

SACRED AND PROFANE ASPECTS OF MEDICINE IN THE ROMAN EMPIRE IN THE II CENTURY AD (ACCORDING TO THE "SACRED TALES" OF AELIUS ARISTIDES)

L. Tarasova

Summary: This article is devoted to the consideration of the relationship between the divine and rational aspects of healing in the Roman Empire of the II century A.D. using the example, although not quite typical, of the fight against diseases of Aelius Aristides. The famous Greek orator described the history of this confrontation in the "Sacred Tales". The author comes to the conclusion that even such a devoted admirer of Asclepius as Aristides was, there is no hostility to rational medicine. There was no conflict between spiritual and secular intervention in the healing of the sick in the second century AD in the Roman Empire. Both types of healing coexisted and complemented each other. Often, not only patients, but also doctors took into account the "prescriptions" of the healing gods in the treatment of diseases, while in the process of turning to temple medicine, patients could receive "prescriptions" that did not contradict the recommendations of professional healers.

Keywords: Roman Empire, Aelius Aristides, Asclepius, rational and sacred, temple medicine.

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению соотношений божественных и рациональных аспектов врачевания в Римской империи II века н.э. на примере, хотя и не совсем типичном, борьбы с болезнями Элия Аристида. Историю этого противоборства известный греческий оратор описал в «Священных речах». Автор приходит к выводу, что даже у такого преданного почитателя Асклепия, каким был Аристид, не обнаруживается враждебного отношения к рациональной медицине. Конфликта между духовным и светским вмешательством в исцеление больных во II веке н.э. в Римской империи не было. Оба вида целительства сосуществовали и дополняли друг друга. Зачастую не только пациенты, но и врачи учитывали «предписания» богов-врачевателей при лечении болезней, при этом в процессе обращения к храмовой медицине болящие могли получить «рецепты», не противоречащие рекомендациям профессиональных лекарей.

Ключевые слова: Римская империя, Элий Аристид, Асклепий, рациональное и сакральное, храмовая медицина.

Античный полис являлся религиозным феноменом, в котором сакральное и профанное были связаны неразрывно. Этот тезис верен и в отношении римской цивилизации. – Мир Римской империи был пропитан божественным в степени, почти недоступной для понимания человека современного секулярного мира. Боги были повсюду: как добрые творцы или злые мстители, как покровители городов и профессиональных групп, иногда даже как выдающиеся предки [9, p. 273]. Принятие многих решений как на уровне общины (полиса или цивитас), так и частной жизни сопровождалось обращением к богам. Но особенно помощь небесных покровителей была нужна в опасных и непростых обстоятельствах. Справедливо будет отметить, что и в современной жизни, оказавшись в сложных или трудных ситуациях, в том числе, столкнувшись с болезнью, люди часто обращаются к потусторонним силам. Как писал христианский писатель Лактанций, во времена бедствий, в том числе, когда людям «грозит гибельная сила болезней»,

они «ищут защиту у Бога, от Бога просят поддержки, Бога молят, чтобы Он пришёл на помощь» (*Lactantius, Divine Institutions II. 1.9 / пер. В.М. Тюленева*).

Данная статья посвящена рассмотрению соотношений божественных и рациональных аспектов врачевания в Римской империи II века н.э. на частном уровне, на примере, хотя и не совсем типичном, борьбы с болезнями известного греческого оратора и крупнейшего представителя Второй софистики Элия Аристида.

Среди многочисленных речей Аристида особое место занимают «Священные речи», которые являются уникальным источником для изучения сакральных сторон медицинской практики [7]. Это автобиографическое сочинение раскрывает глубоко личную сторону жизни оратора, страдавшего многими хроническим заболеванием, и проведшего годы, посещая различные святилища своего божества-покровителя Асклепия и других богов – Аполлона и Сераписа – в поисках способов вы-

здоровления.

Несмотря на очевидную непосредственность в изложении событий своей жизни Аристидом, к «Священным речам» следует относиться с осторожностью. – Они представляют собой тщательно продуманное, сознательно риторическое, а временами и тенденциозное изложение отношений оратора с богами на протяжении всей его жизни, и не только во время болезни [9, p. 277]. В речах рассказывается прежде всего о трудной борьбе оратора с физическими недугами, но это противостояние разворачивается на фоне спасения автора от потенциального кораблекрушения (*Ael. Arist. II, 12–13*), написания им речей и стихов (*I, 31, 38, 60, 73; IV, 24–26*), борьбы с римскими чиновниками (*IV, 71–104*). – И во всех делах, по словам ритора, им руководили боги, и, прежде всего Асклепий, которого он часто называл просто бог или спаситель (*I, 1, 3, 4, 6*). Асклепий воспринимался Аристом не только как божество, дающее советы по врачеванию, но и как наставник по жизни в целом, в том числе в его карьере оратора и писателя. Судя по содержанию «Священных речей», роль Асклепия, в жизни оратора была настолько велика, что Э.Р. Доддс назвал эти книги «первой и единственной религиозной автобиографией, которую оставил нам языческий мир» [2, с. 75].

Божественные наставления передавались Аристу, прежде всего, через сновидения. – В «Священных речах» представлена удивительная коллекция приблизительно из 130 снов и их толкований [3, с. 383]. Как сообщает оратор, записывать эти сны он начал по повелению бога (*II, 1*). Описания Элием Аристом своих болезней длинны и подробны. Он тщательно фиксирует симптомы различных болезней, поразивших его: насморк, кашель, рвота, несварение желудка, понос, бессонница, удушье, слабость, озноб, лихорадка, судороги, обезвоживания, нарывы и отеки, головные и зубные боли и т.д. (*I, 5, 61–62; II, 6, 46, 56–58, 62, 68, 79; III, 1, 11, 14, 16–17, 19; IV, 9; V, 1, 9*). Есть у него информация и о вспышке чумы в 165 году нашей эры (*II, 37–45*). – Вот как ярко живописует оратор свои страдания во время одного из приступов болезни: «...несколько дней и ночей из моей головы текла слизь, клокотало в груди, дыхание сталкивалось со слизью и задерживалось в горле, и горло воспалялось... Вдобавок у меня были всяческие боли в ушах и зубах, напряжение во всех жилах, и я не мог ни принять пищу, ни низвергнуть её... Кроме того, у меня была огненная боль в голове и всевозможные приступы» (*Ael. Arist. II, 56–57 / здесь и далее пер. С.И. Межеричкой*). Возможно, значительная часть «его недомоганий были психосоматического характера» [2, с. 76].

Аристид считает, что через сны Асклепий сообщает ему свою волю. То, что повелел бог, имело для оратора первостепенное значение, независимо от того, принимал ли сон, в котором были даны эти приказы, форму

загадки, требующей толкования, или консультации и назначения лекарств, как в приемной врача. Асклепий в различных ситуациях «предлагает» греческому ритору следующие предписания: воздержание от водных процедур (не мыться) (*I, 6, 8, 9, 26, 29, 40, 41, 45, 53*), очищение желудка (*I, 9, 21, 28, 32, 40, 50, 53, 55, 66; II, 10, 13; III, 24; IV, 6*), кровопускания (*I, 28; II, 47, 48; III, 7–10*), клизмы (*I, 73; II, 43*), мази (*I, 66; II, 10; III, 25*) и лекарства для приёма внутрь (*I, 66; II, 30, 35; III, 29*), лечебное голодание (*I, 26, 40, 55*) и разнообразные диеты (*I, 45, 72; II, 16; III, 6, 33–35, 37*), омоложения в холодной воде (*II, 10, 18–21, 48–50, 55, 65, 71, 74, 75, 77, 82; III, 7–10; IV, 11; V, 49–50*) и другие закаливающие процедуры (*I, 65; II, 7, 72, 80; V, 49–50* – ходьба босиком и бег зимой; *II, 80* – прогулки только в плаще без хитона; *I, 65* – езда верхом).

Сновидения, рассказанные и интерпретированные Элием Аристом, происходили где угодно – дома (*I, 1–50*) или в путешествии (*II, 12–13*), а не только в храме Асклепия в Пергаме или подобных святилищах (*II, 9; III, 8*). Такая практика расходится с общепринятой. – Обычно больные приходили в храмы богов-врачевателей с жертвоприношениями и укладывались там спать, а утром сами, или с помощью жрецов толковали сновидения, полученные именно во время инкубации при храмах – в асклепиадах или серапеумах [7, с. 201]. Вероятно, какая-то часть жрецов храмов богов-врачевателей имели медицинские знания, позволяющие поставить диагноз пациентам и назначить им лечение [5, с. 89]. Так, жрецом Асклепия и Гигиены был ученый-медик Гераклит из Родиаполя (*IGRR 3, 733*), некий Менодор был одновременно врачом и жрецом Асклепия в маленьком городке во Фригии (*IGRR 4, 520*). Но Аристид, исходя из текста «Священных речей», предпочитал самостоятельно толковать свои сны. Э.Р. Доддс считает, что предписания богов пациенты получали зачастую не в непосредственном сновидении, а в состоянии транса, в которое они сами себя вводили и в котором испытывали «сильнейшее внутреннее чувство присутствия бога» [1, с. 170].

Следует отметить, что «рецепты» Асклепия, судя по описаниям снов и выводам из них сделанным, не могли трактоваться однозначно. Например, Аристид решил, что нужно сделать клизму из аттического мёда, ибо во сне от Афины «исходило благоухание, подобно аромату воска» (*II, 41–42*). Или другой случай: оратор принял решение не мыться после того, как во сне увидел, что на Горях Источниках нижняя часть его живота приняла необычный вид (*I, 7*). Но данное видение получило и иной комментарий: «эта неприятность случилась со мной не во время самого купания и что не следует по этой причине отказываться от мытья» (*I, 8*).

Такие разные истолкования «знаков Бога», порой прямо противоположные, встречаются неоднократно. – Аристид пишет, что «Бог являл мне знаки с тем, чтобы я

переменил свой образ жизни», но далее отмечает, что другие «нелепо толковали мои сны, утверждая, что Бог ясно указывает: лучше мне всё оставить как есть» (II, 72). К сожалению, в данном эпизоде сами «знаки» оратор не описывает.

На возможность различной трактовки видений, полученных во время лечебной инкубации обращает внимание Артемидор в своём «Соннике»: «любому мало-мальски здравомыслящему человеку ясно, что те предписания, которые некоторые записывают, просто смехотворны. Ведь записывают они не увиденное на самом деле, а то, что сами выдумывают» (IV, 22 / пер. И.А. Левинской).

Божественные рекомендации могли быть даны до, во время или после обращения за советом к профессиональным медикам. В первой книге Аристид рассказывает о том, что врач пришёл к нему только после 21 дня сновидений и проведённого оратором самостоятельно лечения (I, 57).

Но Элий Аристид был не из тех, кто принципиально отказывался подчиняться каким-либо указаниям врача, если они предварительно не были санкционированы богом. – Во время чумы 165 года н.э. многие лекари приехали из Смирны на его загородную виллу, чтобы оказать помощь ему и его больным слугам (II, 38–39); когда заболела дочь его молочной сестры, он немедленно послал к ней врача (V, 19); его товарищ Гераклеон был лишь одним из многочисленных медиков, пришедших из любопытства или по дружбе, когда Аристид последовал совету бога искупаться в реке, протекавшей возле Смирны, в середине зимы (II, 20). В другой раз, когда оратор заболел в своем поместье, был вызван врач, которому потребовался по меньшей мере день, чтобы добраться туда по зимней сельской местности (III, 18).

Даже если в целом советы врачей были представлены Аристом как бесполезные, это не означало, что он полностью отвергал их. – Учитель Галена, Сатир, навещал Аристида в Пергаме, когда тот лежал в постели (III, 8–10). Осмотрев его, он настоятельно рекомендовал воздержаться от дальнейших кровопусканий, и вместо этого дал мазь, которой надо было накладывать на живот и под рёбрами. Аристид отказался послушаться повеления бога и воздержаться от кровопусканий, но решил попробовать мазь Сатира, когда придет время, поскольку это не предполагало никаких отклонений от того, что предписал Асклепий (III, 9–11).

Однако в тех случаях, когда предписания врачей и Асклепия расходились, Аристид всегда отдавал предпочтение божественной воле. – Например, после появления у оратора нарыва, разросшегося до огромной опухоли, врачи советовали вскрыть или прижечь нарыв (I, 62).

Но Аристид следуя «назначениям» своего покровителя, терпел боль и позволил опухоли расти, даже когда друзья обвиняли его в малодушии, трусости, и в том, что он слишком полагался на сны (I, 63). Убежденность оратора в непогрешимости советов Асклепия не является чем-то необычным. Гален по этому поводу замечает, что больные зачастую настолько доверяют полученным во время инкубации «указаниям, что готовы воздерживаться даже от воды в течение пятнадцати дней, тогда как предписаний врачей часто не выполняют вовсе» [4, с. 39].

Следует отметить, что часть «рекомендаций», данных Асклепием Аристу – омовения в холодной воде, хождение и бег босиком – являлись, как пишет Марк Аврелий, обычными средствами, предписываемые Асклепием больным (V, 8, 1). Кроме того, такого рода закаливающие упражнения давно были известны в греческой медицине и гигиене. – Ещё в IV в. до н.э. Диокл из Кариста «прописывал» прохладные ванны больным туберкулёзом [6, с. 150–151], а «хождение зимой босиком» практиковали спартанские юноши (*Plato. Leg. I, 633c*). Но эти «рецепты» воспринимаются Аристом и его читателями как необычные (и потому божественные), так как зачастую приобретают чрезмерные формы и «назначаются» Асклепием в периоды обострений болезней оратора [6, с. 151]. – Так, неоднократно оратору божественным повелением предписывались купания в реке именно зимой (II, 18–21, 48, 50; IV, 11). И неудивительно, что врачи Аристида были обеспокоены его решением броситься в бушующий поток посреди зимы и подозревали, что его послушание богу может способствовать ухудшению его здоровья (II, 21).

О том, что многие «рецепты», полученные во время лечебной инкубации в Пергаме, Александрии и других местах соответствовали медицинским принципам и никоим образом не чужды рассуждениям врачей, писал и Артемидор: «боги предписывают мази, припарки, пищу и питье, пользуясь теми же названиями, что и мы» (IV, 22). По сути, сакральная медицина обращается к «вполне рациональным предписаниям» [4, с. 42].

Таким образом, божественное и человеческое исцеление дополняли друг друга, и то, как и когда использовать каждое из них, было личным решением каждого. В ряде случаев больные обращались к богам после лечения у врачей. – Так, из надписи середины II века до н.э. из Соры, небольшого городка недалеко от Рима, мы узнаём, что «отчаявшись в своих недугах» мужчина, поклялся в случае выздоровления отдать десятую часть своего имущества Гераклу (*ILS 3411*). А надпись середины I века н.э. сообщает о принесении рабом в жертву белой телки *Bona Dea Felicula* за восстановление зрения, которое произошло, как он считает, благодаря богине уже после того, как врачи, безуспешно лечившие раба на протяжении десяти месяцев, отказались от него (*ILS 3513*). В

других случаях люди предпочитали сразу отправиться в святилище и помолиться о выздоровлении. – В одной надписи из Анатолии рассказывается о некой Препусе, которая обратилась за помощью к Мену для своего сына, как только он заболел, потому что не хотела тратить деньги на врачей [9, с. 278].

Отношения Элия Аристида с Асклепием, как писал Э.Р. Доддс, были «уникальны, как по силе, так и по продолжительности» [2, с. 82]. Но преданность оратора этому богу-врачевателю не была исключительным в античном мире и, в том числе в II веке н.э. Несмотря на прекрасное образование, врач, хирург и философ Гален Пергамский был убеждён, что всей его карьерой руководил Асклепий. – Именно Асклепий явился к отцу Галена и повелел тому не препятствовать сыну быть врачом (*Galen. De ord. libr. IV, 4*). Гален отмечал, что не раз на выбор лечения болезни влияло то, что он видел во сне, или то, что пациенты получили в видении (*Galen. De libr. pr. III, 5; CMG 5, 10, 1, 108*). В своем комментарии к клятве Гиппократов он рассказал, что зачастую заболевшие были исцелены с помощью снов и видений, посланных Сераписом или Асклепием в Эпидавре, Косе или Пергаме (*Galen. Commentary on the Hippocratic Oath fr. 1*). Об общении с Асклепием писали современники Аристида – Максим Тирский и Цельс. Первый – об индивидуальном опыте общения с ним наяву (*Max. Tyr. Dissert, 9, 7*), а Цельсий о том, что Асклепий лично явился множеству людей во снах и излечил их своими советами (*Orig. C. Cels., 111, 24*). Врач-анатом Руф Эфесский сообщил об исцелении Асклепием эпилептика (*Oribasius, Medical Collections 45, 30, 11–14; CMG 6, 2, 1, 192*). О том, что врачи следовали божественным установлениям Асклепия и Гигиены, мы узнаём от исцелившихся пациентов из Рима и Кибириса (*ILS 2194*).

Другие врачи более скептически относились к предписаниям Асклепия, хотя и были вынуждены признать, что их пациенты твердо верили в возможность божественного выздоровления (*Aelian, fr. 100; Diogenes of Oenoanda, fr. 15*). Поэтому неудивительно, что лекари поддерживали бога-покровителя своей профессии, совершая приношения и устраивая игры в его честь. – Например, в Эфесе в течение двух дней Великого праздника Асклепия проводились ежегодные соревнования по медицине и хирургии между врачами. Результаты этих состязаний нашли отражение в эпиграфике (*I. Ephesos 1161–9, 4101b*). Богатый врач Гераклит из Родиаполя воздвиг храм Асклепия и Гигиены со статуями, а также часть своего состояния потратил на проведение игр в честь Асклепия в родном городе (*IGRR 3, 733, cf. 732*). В маленьком городке во Фригии врач Менодор совместно со своим сыном, жрецом и судьей, построили новую сводчатую пристройку, две колонны и новую крышу для святилища Асклепия (*IGRR 4, 520*).

Храмы Асклепия и других богов-врачевателей про-

цветали в I–II веках н.э. на территории Римской империи, особенно на Греческом Востоке [9, р. 71]. Этому способствовали случаи исцеления больных, о чём свидетельствуют обетные изображения частей тела из терракоты, мрамора или даже драгоценных металлов, висевшие на стенах святилища; а также алтари, статуи и таблички с надписями [8, р. 32–33]. Вероятнее всего, к выздоровлению были причастны и врачи, но история оставила доказательств людской благодарности именно богам за исцеление, божественное откровение во сне или иное проявление отклика на молитвы. К этим данным следует относиться с осторожностью, и они отнюдь не означают, что применение храмовой медицины обязательно приносило излечение от болезней [8, р. 48–52]. Как заметил циничный Диагор (в трактате Цицерона «О природе богов»), повсеместно радостный тон надписей по обету стал возможен только потому, что те, кто думал иначе, теперь мертвы (*III, 89*). Справедливости ради отметим, его реплика касалась изображений и надписей, пожертвованных «по обету людьми, счастливо избежавшими гибели во время бури на море» (*III, 89 / пер. М.И. Рижского*). – И если Марку Аврелию, судя по благодарностям богам в «Размышлениях», высшие покровители помогли, даровав в сновидениях ему поддержку, «не в последнюю очередь против кровохарканья и головокружений» (*M. Aur. I, 17, 9 / пер. А.К. Гаврилова*), то другому императору (Каракалле) обращения к богам исцеления не принесли. В 213–215 годах Каракалла, страдавший «от явных и скрытых недугов» тела, и рассудок которого «был одержим мрачными видениями» (*Dio LXXII, 15, 3 / пер. А.В. Махлаюка*), лично обратился за помощью к Аполлону Гранну в Галлии, Асклепию в Пергаме, Серапису в Александрии (*Dio LXXII, 15, 6; Herod. IV. 8. 3*). Но как ехидно заметил Кассий Дион, личное присутствие императора и щедрые дары имели не больший успех, чем молитвы, жертвы и благодеяния, которые его слуги ранее совершали от его имени (*Dio LXXII, 15, 67*).

Гораздо реже в «Священных речах» упоминается вера в причастность божеств к возникновению болезни. – Аристид, если и указывает на причину заболевания, то обычно ссылается на то, что он ел, или на непогоду (*I, 5; II, 5, 60*). Однако одна из смертей позволяет оратору сопоставить рациональные и иррациональные объяснения. – Ранее врач Зосима заболел во время путешествия и несколько неожиданно выздоровел после того, как его очистили ячменной кашей и чечевицей (*I, 70–73*). Его выздоровление и способы его достижения были предсказаны Аристиду во сне Асклепием, но само лечение, по-видимому, было разработано врачом. Четыре месяца спустя Зосима внезапно скончался во время визита к больному рабу в середине зимы. Оратор называет одновременно три причины его смерти: первая – зимние холода; вторая – непослушание Зосимы, когда он не последовал совету Аристида (и Асклепия) воздержаться от напряженной деятельности на свежем воздухе

и набраться сил; третья причина заключалась в том, что Зосима по неосторожности прикоснулся к жертвенному мясу, предназначенному для бога (она открылась позже во сне) (I, 75–77; III, 37). Однако последние два довода используются оратором для объяснения смерти Зосимы и того, что бог не вмешался, а не его болезни. Решение Зосимы пойти и вылечить своего пациента спровоцировало болезнь, которая привела к его гибели, как и предупредил Асклепий.

В заключении следует отметить, что предложить какую-либо единую модель взаимодействия сакрального и профанного в лечебных практиках невозможно,

ибо использовать ли и в какой степени каждую из них являлось личным решением. При этом, даже у такого преданного почитателя Асклепия, как Элия Аристида, не обнаруживается враждебного отношения к рациональной медицине. Какого-либо конфликта между духовным и светским вмешательством в исцеление больных во II веке н.э. в Римской империи не было. Оба вида целительства сосуществовали и дополняли друг друга. Зачастую не только пациенты, но и врачи учитывали «предписания» богов-врачевателей при лечении болезней, при этом в процессе обращения к храмовой медицине болящие могли получить «рецепты», не противоречащие рекомендациям профессиональных лекарей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доддс Э.Р. Греки и иррациональное / Пер. С.В. Пахомова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 507 с.
2. Доддс Э.Р. Язычник и христианин в смутное время: Некоторые аспекты религиозных практик в период от Марка Аврелия до Константина / Пер. с англ. А.Д. Пантелеева и А.В. Петрова; общ. ред. Ю.С. Довженко. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003. – 320 с.
3. Межеричкая С.И. Культ Асклепия и психология античного общества II в. н.э. // Мнемон. – 2004. – Вып. 3. – С. 373–394.
4. Пролыгина И.В. Рациональное и сакральное у Галена // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – Т. II, № 1. – С. 33–51.
5. Ручинская О.А., Семенов Е.В. К вопросу о храмовой медицине в античных городах Западного Причерноморья в I–III вв. н.э. // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2012. – № 1005: Історія. – Вип. 45. – С. 82–92.
6. Фестюжьер А.-Ж. Личная религия греков / Пер. С.В. Пахомова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 253 с.
7. Элий Аристид. Священные речи. Похвала Риму / Изд. подг. С.И. Межеричкая, М.Л. Гаспаров. – М.: Ладомир: Наука, 2006. – 280 с.
8. MacMullen R. Paganism in the Roman Empire. – New Haven and London: Yale University Press, 1981. – Pp. xvi + 241.
9. Nutton V. Ancient Medicine. Sciences of Antiquity. – London and New York: Routledge, 2013. – Pp. x + 488.

© Тарасова Любовь Валерьевна (tarlv@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»